

То был один из тех дней октября, когда на короткое время вдруг становится тепло, небо бывает безоблачно синим, и синева будто нарисована гуашью, она насыщенная, плотная, теплая, густая. Я не помню, зачем поехал в Мещовск. В небольшом калужском городке удивило название главной улицы – Проспект Революции, в областном центре не было, и сейчас нет ни одного проспекта. По проспекту лошадь тянула телегу с мужиком, который держал натянутые вожжи, копыта громко цокали по асфальту. Тогда, двадцать пять лет назад, был на этой улице книжный магазин располагавшийся в приземистом каменном доме, который показался мне старинной купеческой лавкой. Сухие листья возле нескольких ступенек и вдоль обочины, обрамленные выступающим кирпичом узкие окна, портик, двойные двери. Там я купил за рубль и тридцать копеек «Песнослов» Николая Клюева. Этот сборник только что вышел в Петрозаводске. На темно-синей обложке был белый овал, в нем раскрытая книга и вверху цветок с пятью лепестками – эмблема популярной серии «Сельская библиотека Нечерноземья».

Я не сразу постиг Клюева. Да и разве это можно? Тогда я отложил ту книгу, но спустя много лет снова беру ее в руки. Постепенно, благодаря собранному материалу, поискам, сложилась вот эта статья...

1

Есть русское бродяжее начало...

Евгений Винокуров

Сначала о Павле Ивановиче Мельникове-Печерском. Совсем немного.

У него в «Отчете о состоянии раскола в Нижегородской губернии» (1854 г.) изложены особняком «недостатки русского народа», этакие, если выразиться современным научным словом, этнопсихологические наблюдения. Они могут показаться наивными, однако по-своему интересны.

На первое место писатель ставил склонность к бродяжничеству и самовольству. В русском человеке якобы живет «безотчетное» желание «порыскать по свету»: он любит простор и раздолье и, ходя за сохой, поет про синее море, про широкую степь. «Воля» для него не значит «свобода», это – «жилье вне дома». Русский человек способен внезапно сорваться с привычного места и уйти странствовать неизвестно куда. С таким порывом пошататься сочетается и стремление к воле как к «безотчетной свободе». «Бредит спросонья русский человек о той “воле”, где нет ни рекрутчины, ни подушного, ни паспортов, где никто не смеет стащить его с печки и послать на работу..., где не нужно ходить с жалобой на обидчика к начальству и выжидать целые годы конца делу...»

Второй недостаток – легковерие. Русский любит и верит вздорным слухам, «и чем нелепее молва, тем сильнее он ей верит». «Народная фантазия тешится таинственностью события, и толпа не замедлит уверовать в первого пройдоху, который дерзнет принять на себя славное имя, причем никогда не будет рассуждать о сходстве возраста или наружных примет».

Следствием легковерия и стремления к «безотчетной свободе» становится «склонность к возмущениям без причины» – третий недостаток. В основе народных неповиновений лежит «непонятное увлечение несбыточной небывальщиной». «Чем несбыточнее молва, тем лучше ей верится и тем скорее подает она повод к беспорядкам». Все возмущения помещичьих крестьян имеют нелепые предлоги, что П.И. Мельников показывал в «Отчете...» на нескольких примерах. Объявил себя какой-то Пугачев царем – поверили.

Четвертый недостаток – суеверность. Народ верит в скорое светопреставление, в «последние времена» и всякую мелочь считает предзнаменованием грядущего конца миру. Все старообрядчество вообще держится на суевериях, возводя их в ранг незыблемой религиозной доктрины. «Это обстоятельство вместе с тем составляет главнейший вред, причиняемый раскольниками народной нравственности и благоустройству государственному».

Это – если вкратце.

Нужно отметить попутно, что все эти «недостатки» приписаны людям крестьянской среды, не интеллигенции, не дворянам.

Но мы, собственно, не о Мельникове, о Клюеве.

Удивительно или нет, но юность его вполне вписывается, или – почти вполне, в эту схему, обоснованную, прямо скажем, не очень-то доказательно, хотя Мельников что-то все-таки уловил интуитивно и подспудно, что-то существенное...

Самый конец 1890-х – белое пятно в биографии Клюева. Это его сплошные странствования по Руси, от которых осталось только несколько обрывочных свидетельств, а между тем на это время приходится его личностное и мировоззренческое становление, и мимо этих лет нельзя пройти.

Оставляя родительский дом, он уходит на Соловки, носит вериги, как тот юноша-старообрядец Гриша из одноименного мельниковского рассказа, но затем, так же, как и он, очевидно, «обольщенный» чьей-то проповедью, уходит из монастыря, скитается по Центральной России и Кавказу, по хлыстовским, скопческим «кораблям». И является в литературу как «власть имеющий», со своим, уже сложившимся самобытным мировидением.

Вот, пожалуйста, «безотчетное» желание «порыскать по свету» налицо.

Были и «возмущения без причины» (хотя почему без причины?), и жалобы на обидчиков, и заключение в тюрьму за участие в эсеровской пропаганде.

Всё по мельниковскому «Отчету...»

Дорога – это возможность прожить еще одну жизнь одновременно с той, которая уже дана. Больше, странничество – образ жизни Христа. Только ли тут разгадка того самого мельниковского «безотчетного желания» и клюевских странствий? Где-то в этих неизвестных дорогах складывались глубинные основы его творческого видения. Не из ахматовского «сора» – «из природной красоты, из высокого строя Ветхого завета, Евангелия, “Поморских ответов”, из народной речи рождались клюевские стихи». Так определяет их истоки Сергей Куняев в книге «Николай Клюев», изданной «Молодой гвардией» (М., 2014).

Клюевское странствование – никакой не «недостаток» мельниковский. Это форма и опыт самосовершенствования, поиск духовного пути, обретение себя.

Я всецело поддерживаю давнюю мысль, высказанную русским филологом Павлом Никитичем Сакулиным, выходящем из старообрядческой (единоверческой) семьи: только изучив мировоззрение писателя, можно проникнуть и в сокровенную суть его творческого метода. Клюевское мировоззрение – сплав старообрядческого мировидения и неизученного русского религиозного разномыслия, «природной красы» и «народной речи», личных духовных откровений. У него действительно «христианское время наплывает на языческое», сосуществуют разные стихии. Он верит, что «только добровольная нищета и отречение от своей воли может соединить людей. Считать себя худшим под солнцем, благословить змею, когда она ужалит тебя смертельно, отдать себя в пищу тигрице, когда увидишь, что она голодна, – вот скрепы между людьми. Всемирное, бесконечное сожаление – вот единственная программа общежития. Вере же в человека нужно поучиться, напр., у духоборов или хлыстов-бельцов, а также у скопцов».

«Старый русский словарь, бытовавший и бытующий на севере, настоенный на древних корнях, Клюеву – как заветный круг, которым он огораживает себя и свой мир от проникновения чужого духа, идущего из мира “царя железного”... Поэту не было нужды, в отличие от многих его современников, искать нужное слово у Даля или у кого-либо еще из собирателей и исследователей народной речи. Он жил в этой языковой стихии сызмальства и с избыт, елью, лесной тропой – изначально живыми для него – общался на родном им и ему языке. На нем и писался самый, пожалуй, красочный и монументально выстроенный, как русская изба – колено в колено, – насыщенный плотно уложенными смыслами поэтический сказ его военного времени – “Беседный наигрыш, стих доброписный”».

2

***Я лось, забредший через гать
В подвал горбатый умирать.***

Николай Клюев

Хочу сделать несколько штрихов к последним годам жизни Николая Клюева. В мае 1934 года он прибыл к месту ссылки в Колпашево.

Мне вспоминается в этой связи письмо старообрядческого епископа Иоанникия (Исаичева) Саратовского и Астраханского. Мне оно встретилось в архиве митрополии Московской и всея Руси Русской православной старообрядческой церкви (РПСЦ), который десять лет назад поручено было мне разбирать. В зиму с 1931 на 1932 год он прошел этой же дорогой, что и поэт, и испытал то же: «Край голодный и холодный, Сибирь. Ехал до места ссылки 50 дней, 40 дней по железной дороге, в скотских вагонах, не видя вольного света, а десять дней пешком от Томска 300 верст. Тяжело было все это переносить. Многие померли в пути от голода и холода». Такой вот маленький штрих. Письмо опубликовано в альманахе «Во время оно», объединяющем документы по истории старообрядчества, главным образом, XX века.

Они не встречались. Кривошеинский район Томского округа (по тогдашнему административно-территориальному делению), где находился в ссылке Иоанникий, это намного ближе к Томску, чем Колпашево, куда сослали Ключева. Но я лишь хочу привести свидетельство, что значила подобная дорога: в вагоне, на подводе и пешком, с ночевками в пути. Ведь в разное время она была у них одна, у старообрядческого архиерея и поэта. В Колпашеве жил в ссылке другой старообрядческий епископ – Арсений (Давыдов) Минусинский и Семипалатинский, но уже после Ключева, которому удалось через несколько месяцев вернуться в Томск. Общее у них – месяц и год смерти. Епископ Арсений был вторично арестован в Колпашеве и 3 октября 1937-го расстрелян, Ключев – в двадцатых числах.

Есть трогательное письмо поэта Н.Ф. Христофоровой-Садовой от 24 октября 1934 года, он рассказывает, как постучал «в первую дверь кособокого старинного дома на глухой окраине города (Томска. – В.Б.) – в надежде выпросить ночлег Христа ради». Ему открыл «средних лет, бледный, с кудрявыми волосами и такой же бородкой человек – приветствием “Провидение посылало нам гостя! Проходите, раздевайтесь, вероятно, устали”. При этих словах человек с улыбкой стал раздевать меня, придвинул стул, встал на колени и стащил с моих ног густо облепленные грязью сапоги. Потом принес валенки, постель с подушкой, быстро наладил мне в углу комнаты ночлег. Я благодарил, едва сдерживая рыдание, разделся и улегся, – так как хозяин ни о чем не расспрашивал, только просил меня об одном: успокоиться, лечь и уснуть. Когда я открыл глаза, было уже утро, на столе кипел самоварчик, на деревянном блюде – черный хлеб...» Далее Ключев рассказывает, как нашел в своем мешке «желтый кружочек пятирублевой золотой монеты».

Он воспринимал все это как чудо. Но, кажется, подготовлено оно было еще в Колпашеве. Иоанникий, например, жил в ссылке на квартире у старообрядцев-беспоповцев, «наших (поповцев. – В.Б.) здесь нет во всем этом малолюдном крае, кроме г. Томска», как он сообщал в том же письме, что приведено выше. И Ключева, кажется, кто-то направил сюда, кто-то «свой», не «провидение». В Томске поэт поселился среди старообрядцев, и, я думаю, заранее знал, куда ему здесь идти, а не стучался в первый же дом наугад. Но как был выбран именно этот адрес, этот переулочек Красного Пожарника?

В том же архиве старообрядческой митрополии встречались письма из Томска, от тамошней старообрядческой общины, уже послевоенных лет. Мне тогда же запомнилось это несколько странное название переулочка на синем делопроизводственном штампице – Красного Пожарника, где располагался дом №2, адрес, по которому была зарегистрирована община. Слово «пожарник» считается не очень-то приличным среди пожарных (именовать людей этой профессии можно только так – пожарный). Видимо, в 1920-х годах, когда этот переулочек так нарекли, подобной отрицательной коннотации не было.

Ключев с 11 октября 1934 года по конец декабря 1936-го жил здесь же, в деревянном доме №12.

Один томский краевед сообщил мне, что в доме №2 жил старообрядческий епископ Тихон (Сухов) Томский. Но как проверить? От переулочка Красного Пожарника недалеко до томского старообрядческого храма. В биографиях поэта указывается, что он там бывал, как и в других церквях города, в том числе единоверческой. Можно было бы добавить, что в старообрядческом храме его привлекала архиерейская служба, но с февраля 1933-го епископ Тихон находился в заключении, встречаться они не могли, даже видеться.

Сибирский историк Николай Старухин сделал по моей просьбе запрос в Государственный архив Томской области, принадлежал ли дом №2 старообрядческой общине в 1930-е годы, кто в нем жил. Удалось установить, что – да, томская старообрядческая община была зарегистрирована по переулку Красного Пожарника, в соответствии с новым советским законодательством, в 1925 году. Как говорится в письме, полученном нами за подписью директора архива А.Г. Караваевой: «Самые ранние документы о деятельности старообрядческой Успенской церкви, отложившиеся в фонде Ф.Р-1786 («Уполномоченный Совета по делам религии при Совете Министров СССР по Томской области». – В.Б.) – за 1957 г. В деле № 59 “Документы о деятельности старообрядческой Успенской церкви (отчеты, акты, переписка) за 1957–1962 гг.” данного фонда имеется “карточка зарегистрированного религиозного общества старообрядческого культа”, в которой значится адрес регистрации: г. Томск, улица Красного Пожарника, № 2, а также дата регистрации: 30 июня 1925 г.» Епископ Тихон (Сухов) как проживающий в этом доме в документах не значится. Был ли он соседом Клюева (все-таки пять домов – не такое уж далекое расстояние), до конца неясно. Но ясно, что «религиозное общество старообрядческого культа» по переулку Красного Пожарника, дом №2, прошло официальную регистрацию. Поэт тянулся к людям, которыми как-то мог быть понят и на помощь которых надеялся.

Я пытаюсь лишь прикоснуться к окружению Клюева в Томске, о котором он не сообщал в письмах из ссылки. Что касается дома №2 по Красному Пожарнику, томские архивисты сумели назвать тогдашних его жильцов: «В результате просмотра описей дел фонда муниципального учреждения “Бюро технической инвентаризации” управления жилищно-коммунального хозяйства г. Томска (МУ БТИ) (фонд Ф.Р-1860) был выявлен технический паспорт на домовладение по переулку Красного Пожарника, д. 2, за 1938 г., просмотр которого показал, что домовладельцем с 1933 г. значится Пахомова Наталья Моисеевна. Как указано в описании строения: дом одноэтажный, деревянный, жилой, частный, построен “около 40 лет тому назад”. В акте от 28 марта 1940 г., составленном техником бюро регистрации текущих изменений Томского горкомхоза Комаровым при камеральной обработке, в графе “на право владения усадьбы № 2 по пер. Красного пожарника” значатся Груздев, Пахомов, Зилович, без указаний имён и отчеств».

Указание на фонд «Бюро технической инвентаризации» важно, с ним можно работать дальше, уже конкретно по клюевскому дому №12. Выявленные документы могут послужить для экспозиции музея поэта.

Он нужен.

Этими словами – «Он нужен», я закончил статью. Оставалось внести мелкие уточнения и поправки. Что-то подтолкнуло меня пересмотреть в архиве Митрополии Московской и всея Руси РПСЦ старое дело послевоенных лет – переписку с томской общиной, которую, среди множества других подобных бумаг, разбирал я лет семь или восемь назад, раскладывая документы в хронологическом порядке, нумеруя карандашом листы в правом верхнем углу. Дело это включено было в опись фонда №3, объединившего документы 1940-х и самого начала 1950-х годов, и получило порядковый номер 433. Даже руки немного дрогнули, когда достал эту старую коричневую папку с железным скоросшивателем внутри: на обложке приклеена была тогдашним секретарем архиепископии (нынешняя митрополия была

учреждена в 1988 году) прямоугольная бирочка из тонкой бумаги с адресом священника: «С/Ачинская, 13». То есть, Старо-Ачинская улица – последний адрес Клюева, где квартировал он перед самым арестом в 1937-м.

Во второй половине 1940-х священники Успенской старообрядческой церкви в Томске быстро менялись, так как все они были людьми приезжими, жили кое-как и кое-где, у тех, кто были судимы по 58-й статье, возникали сложности с пропиской, община подчинялась напрямую далекой Москве, епископа в Сибири не было. С 1947 года появляются два адреса, по которым ведется переписка: переулок Красного Пожарника 2 и 12. Два дома связаны друг с другом. Там, где поселился когда-то Клюев, снимал после войны жилье томский старообрядческий священник Ермолай Красилов. Священническое определение он получил в апреле 1949-го, но вскоре оставил Томск и по каноническим причинам прекратил служение. Листаю дело дальше. Перед глазами проходят телеграммные бланки, отпечатанные на пишущей машинке через копировку письма, тетрадные листики в линейку и в клетку самой разной величины, с такими каракулями, что прочесть их едва ли возможно без особого навыка, вот уже знакомый синий штамп, и не один, двойка, номер дома, не везде отпечаталась на нем. Фамилий Груздев, Пахомов, Зилович, Балакины (хозяева последней квартиры Клюева) нет. Но вот – лицевая сторона темно-синего конверта, где кроме типовой красной марки с гербом еще одна, зеленая, в нижнем левом углу, достоинством в 60 копеек с изображением медали «За оборону советского Заполярья», две круглых почтовых печати, и от руки, под чернильной чертой размашистым почерком обратный адрес клюевского дома: Красного Пожарника, 12. Здесь квартирует уже новый священник, с ноября 1951 года, Петр Коротков. Следом его письмо, позволяющее определить дату. Сообщает, что устраивается в городе, оформляет прописку, посетил уполномоченного Совета по делам религиозных культов. А в апреле 1952-го ему пишут из Москвы, из архиепископии, на другой адрес: Старо-Ачинская, 13. Он отпечатан на машинописных копиях последних писем.

В Томске сотни улиц и тысячи домов. Но человек последовательно селится в двух местах, и именно там, где до него жил Клюев! Ему, приезжему, безусловно, помогала старообрядческая община, тогда кто Клюеву, раз одни и те же адреса? Еще один томский адрес поэта, Мариинский переулок, 38, кв. 2, не упоминается. Но от Красного Пожарника это – два шага, достаточно посмотреть на карту Томска. И Старо-Ачинская недалеко.

Клюев не покидал старообрядческого района (хотя жили в нем не только одни старообрядцы, одним из его ближайших соседей по переулку Красного Пожарника, как указывает Л.Ф. Пичурин, был протоиерей томской церкви Иоанна Лествичника Иван Григорьевич Назаров, живший с семьей в доме №8, сосланный сюда из Пскова, они проходили с поэтом по одному делу).

Совпадение очень любопытное, и все-таки, пусть и улавливается здесь некоторая закономерность, выводы преждевременны...

В одном из писем Клюев упоминал, что хозяин дома на Красного Пожарника – старик-жестянщик со старухой. Здесь поэт снимал угол. Никакого уединения. Проходной двор, как говорится. «Приходят в голову волнующие стихи, но записать их под лязг хозяйской наковальни и толкотню трудно» (из письма В.Н. Горбачевой). О том, как Клюев нищенствовал и побирался, тоже известно по его письмам. Это сплошная скорбь, его жизнь... Потом появилась переборка, отделявшая его угол

от общей комнаты. Отсюда он перебрался в дом по Мариинскому переулку, долго проболел и съехал, так как не мог платить, а художник и близкий друг поэта Анатолий Яр-Кравченко не выслал обещанных денег. Следующим томским адресом стал дом на Старо-Ачинской, 13. Здесь вместе с Клюевым жили новообрядческий священник Троицкой церкви Иаков Леонтьевич Соколов с супругой, хозяева Сергей Васильевич Балакин и его мать Мария Алексеевна, еще один священник Александр Иванович Пуртов с женой Татьяной Матвеевной и четырьмя дочерьми, сельский учитель Иван Григорьевич Мельников, всего 12 человек. И.Г. Мельников, А.И. Пуртов, Я.Л. Соколов проходили в 1937 году по одному делу вместе с Клюевым.

Всех расстреляли.

Вспоминается мне один очерк Василия Розанова, «По тихим обителям». Есть там эпизод, где Василий Васильевич рассказывает, как ехал в Саров. «Ямщик, который вез меня, добросовестный огромный мужик, кормящий стариков, отца и мать, и четверых детей, работал года четыре назад каменную работу... в Темир-Хан-Шуре!! Вон куда заносит нужда. Значит, русский мужик не ленив, значит, он ищет! Отхожие промыслы есть великий показатель, что мужик наш не лежебока». Я уточнил, что это за город, упомянутый здесь. Оказалось, старое название Буйнакск, Дагестан.

Нет, не только нужда заносит людей в несусветную даль. Клюевский путь был еще дальше, от Архангельска до Томска и Колпашева, священник Петр Коротков, который жил в одних домах с поэтом, лет через восемь или девять переехал в Джамбул (Казахстан), и тут я не уточняю причин, так как это совсем другая уже история, а они могут быть сугубо семейными... А переселение старообрядцев семейских с территории нынешней Гомельской области Белоруссии в Забайкалье? У нас и русский народ, оказывается, тоже подвергался депортациям. А мы не знаем. Не замечаем даже, что уже которое столетие воюем сами с собой.